

Из книги: Робин Нилланс. Генералы Великой войны. Западный фронт 1914 — 1918. М., Астрель—АСТ, 2005. Глава 12 «Пришествие танков. Июль — сентябрь 1916». Стр. 492—528

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ПРИШЕСТВИЕ ТАНКОВ, ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1916

Не будет преувеличением утверждать, что первый камень в основание полной победы на Западном фронте был заложен в 1916 году наступлением на Сомме.

Бригадный генерал сэра Дж. Е. Эдмондс, Военные действия во Франции и Бельгии, предисловие к II тому, 1916 год

Несмотря на то, что сражение при Сомме длилось в течение четырех с половиной месяцев, данная глава посвящена главным образом одному крупному бою, который произошел в течение этого периода, а именно ночной атаке Роулинсона, проведенной 14 июля. Здесь также будут рассмотрены боевые действия на участке фронта Резервной армии генерала Гофа, развернутой к северу от дороги Альбер - Бапум, и эта глава также имеет целью показать, какие решения принимали эти три генерала, три командарма - Хейг, Роулинсон и Гоф - в зависимости от характера конкретных ситуаций, возникавших в этих боевых столкновениях. Ну и кроме того, здесь будет показано, как создавался танк - это новое оружие прорыва через траншеи противника - вплоть до его первого появления на поле боя в сентябре под Флером.

С учетом потерь, понесенных в первый день сражения, 2 июля у Хейга и Роулинсона оставался только один выбор - остановить боевые действия, постараться удержаться за хрупкие, *очень* хрупкие, достижения предыдущего дня и в последующие недели заняться подготовкой еще одного ограниченного наступления. Подобное решение не было принято по ряду причин, и не в последнюю очередь потому, что точное количество потерь, понесенных 1 июля, стало известно только 6 числа. А в полночь 1 июля начальник медицинской службы 4-й армии доложил Роулинсону, что число раненых, принятых полевыми госпиталями и медицинскими пунктами, составило 526 офицеров и 14 146 нижних чинов, всего 14 672 человека.

К этим цифрам следует прибавить число убитых. Оно тогда еще не было установлено, но с учетом принятого примерного соотношения один убитый солдат на каждых трех раненых приблизительное общее число потерь 1 июля можно было принять равным 20 000 человек. Плохо, конечно же, что и говорить. К вечеру 3 июля сводка общего количества раненых солдат 4-й армии выросла до 41 000 человек, и только несколько дней спустя цифра потерь, понесенных 1 июля, достигла своей окончательной величины почти в 60 000 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и взятыми в плен. Нужно время на то, чтобы вынести с поля боя всех раненых и убитых, и в первые дни июля у докторов было много другой первоочередной и более важной работы, чем подсчет пациентов, оказавшихся в палатах госпиталей.

В свете этого обстоятельства часто упоминаемые слова: "Я не думаю, что процент потерь чрезмерно велик", сказанные Роулинсоном 3 июля, а также запись: "Учитывая число участников сражения и его масштабы, они (потери то есть) не могут считаться тяжелыми", сделанную Хейгом в его дневнике 2 июля, - цитаты, много раз приводимые как пример жестокости и бездушия высшего командного состава, - вовсе не выглядят такими необоснованными. Когда они высказывали эти свои соображения, оба генерала просто *еще не имели* представления об истинных размерах потерь, даже если не говорить о том, что оба замечания используются в отрыве от основного смыслового содержания.

Хотя, и как это часто бывает, существует определенное несходство в цифрах. В той же самой записи, которую он сделал в своем дневнике в воскресенье 2 июля, Хейг считает, что потери превышают 40 000. И это при том, что в тот день сводка с такой цифрой потерь к нему еще не поступала. Конечно, могло быть и так, что он сделал эту запись на день или два позже, и поскольку 2 июля подобные сведения еще не были известны даже начальнику медицинской службы, данное предположение является наиболее вероятным.

Если то, что было сказано в письме Роулинсона, полностью звучит так: "Потери, конечно же, были большими, но если вспомнить о том, что на первом этапе наступления в атаку пошли 29 бригад, а это более 100 000 штыков, то процент потерь не кажется мне чрезмерно большим", то запись в дневнике, сделанная Хейгом, имеет в своей основе данные из сводки, только что полученной от генерал-

адъютанта и тоже содержащей заниженные данные по сравнению с реальными цифрами потерь. Во время боев под Лоосом и Хейгу, и Роулинсону уже приходилось получать сведения о больших потерях, и как бы ни были велики потери 1 июля, это были потери армии, численность которой превышала полмиллиона человек. К тому времени, когда к обоим генералам поступили цифры действительных потерь, решение развивать наступление на Сомме уже было принято.

Французы очень сильно повлияли на то, как выполнялось это решение, но то, что военачальники армии Великобритании будут настойчиво продолжать свои атаки, определялось другими факторами. Как уже говорилось, это - общепризнанная военная истина, смысл которой в том, что генерал побеждает не потому, что он "превращает отдельную неудачу в трагедию", то есть выгодно использует неудачные действия противника, но потому, что даже на полях самых кровопролитных сражений он ищет способ воспользоваться любой возможностью, которую дает ему успех. Последующее и вполне оправданное всеобщее возмущение по поводу понесенных потерь не должно скрывать того обстоятельства, что ведь до некоторой степени они были успешными - бои, которые проходили 1 июля.

Дивизии, атаковавшие на правом фланге, успешно решили большинство боевых задач, поставленных перед ними, а 2 июля сдался на милость победителя важный в военном отношении укрепленный пункт Фрикур. Успешно воевал французский XX корпус, который действовал правее XIII корпуса, а также и остальные части французской 6-й армии, полоса наступления которой проходила к югу от Соммы. Успех, достигнутый на этом участке фронта, открывал ряд новых возможностей для наступления, и не в последнюю очередь потому, что британские войска, которые атаковали противника на участке фронта между Фрикуром и Марикуром на правом фланге, наносили свой удар *в северном направлении*.

Упомянутые новые возможности будут понятны, если взглянуть на карту. Если бы можно было продолжить атаку правого крыла британской армии и если бы ее с фланга поддерживали французы, то появлялась большая вероятность того, что, как только будут взяты лес Дельвилль и Лонжеваль, прорыв, осуществленный на этом участке, выйдет за пределы второй линии немецкой обороны в районе леса Высокий. Если это будет сделано, то тогда можно будет овладеть вершиной хребта Позьере. С этих позиций британские войска смогут нанести удар в северном и в восточном направлениях с целью выйти во фланг и взорвать изнутри прочные системы немецкой обороны вокруг населенных пунктов Ля-Буассель и Типваль, а затем, двигаясь еще на север, зайти плечом своих войск на возвышенности, господствующие над поймой Анкра. Первым решением Роулинсона было продвигаться далее к северу от дороги Альбер - Бапум и овладеть теми объектами атаки, которые 1 июля не смогли захватить части VIII и X корпусов. Однако Хейг отклонил это предложение и направил свои резервы на правый фланг с тем, чтобы, действуя на этом участке, развить атаку в направлении на лес Дельвилль и Лонжеваль... но был тут же остановлен генералом Жоффром.

На самом деле Жоффру было совершенно безразлично, сумеют или не сумеют англичане прорвать оборону немцев на Сомме. Если у них это получится, тем лучше, но для Жоффра были важнее две другие цели, одна из которых требовала немедленного решения, а другая была долгосрочной. Однако он считал, что обе они гораздо важнее, чем любой местный успех. Во-первых, ему было очень нужно, чтобы немцы перебросили свои войска на Сомму, разрядив тем самым напряженную обстановку под Верденом, где положение французской армии было просто бедственным. Во-вторых, он хотел, чтобы немецкая армия, увязнув в длительных боях на изнурение, потеряла значительную часть своей боевой мощи, чтобы на Сомме с ними произошло то, что они сейчас делали с французами под Верденом. Британская армия была для него оружием, с помощью которого Жоффр намеревался достичь этой цели, и желание англичан сконцентрировать усилия на своем правом фланге никоим образом не могло, во всяком случае по мнению Жоффра, способствовать достижению любой из этих целей. Более того, план Хейга требовал участия в боевых действиях французской 6-й армии и привлечения дополнительных резервов, а Жоффр хотел, чтобы любые французские резервы, которые только есть в наличии, были задействованы под Верденом. В силу этого обстоятельства сражению при Сомме следовало стать чисто английским сражением, и Жоффр хотел, чтобы оно было крупномасштабным сражением.

В понедельник 3 июля с целью обсудить "последующие приготовления" в Ставку Хейга прибыли Жоффр и Фош. Французский главнокомандующий начал с того, что обратил особое внимание на важность овладения деревней Типваль, на которую 1 июля пришелся центр полосы наступления английской армии. Хейг противился: "Указав на успехи, достигнутые на моем правом фланге в

районе Монтобана, а также на деморализованное состояние солдат противника на этом участке, я считал желательным развивать наступление в направлении на Лонжеваль. Поэтому мне было важно узнать, пошлют ли французы свои войска в атаку на Гиллемон".

Реакцию Жоффра на эти слова можно было сравнить с извержением вулкана. Как Хейг написал об этом в своем дневнике, "он был готов лопнуть от гнева. *Он* не может согласиться на это. Он *приказал мне* атаковать Типваль и Позьере и заявил, что если я пошлю войска в атаку на Лонжеваль, они будут разбиты и т. п..."

Теперь Жоффру и Фошу пришлось узнать, что они имеют дело с совершенно другим типом британского генерала по сравнению с фельдмаршалом Френчем. Хейг, хотя он никак не ожидал подобной реакции, дождался, пока Жоффр закончит свое выступление, а потом спокойно напомнил французским генералам, что "я и только я несу ответственность перед правительством Великобритании за действия британской армии", и продолжил, сообщив, что им было принято решение наступать правым флангом на Лонжеваль, и что он не видит оснований менять это свое решение. По крайней мере на этот раз Жоффр понял, что зашел слишком далеко, и он заговорил примирительно, заверяя Хейга, что "ему известно, что это - сражение, где главенствующая роль принадлежит англичанам, и добавил, что Франция ждет от меня великих свершений". Хейг, в свою очередь, заверил французам, что он имеет только одну цель - одержать победу над немцами и что Франция и Англия вместе идут к этой цели. После этого состоялось вручение французских наград ряду офицеров штаба Хейга, и оно сопровождалось дружескими поцелуями в щеку.

И тем не менее эта несколько напряженная встреча закончилась компромиссом, потому что французы согласились обсуждать способы оказания поддержки английской атаке на Лонжеваль, а Хейг согласился не ослаблять удары, наносимые его частями на других участках фронта на Сомме. В результате этого на фоне конкретных боевых действий, которым посвящена эта глава, по всему фронту протекала также и необходимая Жоффру "война на изматывание", которая, без всякого сомнения, изматывала немецкие вооруженные силы, но одновременно оказывала такое же воздействие и на войска Великобритании. Это были задачи в основном тактического характера, поскольку Жоффр хотя и не мог *приказать* Хейгу провести еще одно полномасштабное наступление по всей линии фронта, но он, несомненно, мог препятствовать британским намерениям продвигаться вперед своим правым флангом.

Британский правый фланг не примыкал вплотную к реке Сомма, он имел стык с левым флангом французского XX корпуса, который по настоянию Жоффра был развернут к северу от этой реки. Если англичане пойдут вперед, а Французы останутся на месте, на правом фланге английских войск образуется разрыв. Даже более того, Роулинсон мог наступать в направлении хребта Позьере и двигаться вдоль него далее на север только в том случае, если французы обеспечат ему прикрытие с фланга - то, чего Жоффр и Фош не больно-то хотели делать. Выбор действий командования в немалой степени затрудняло постоянное опасение вступить в противоречие с той частью приказа, полученного Хейгом при его назначении, которая требовала от него "тесного взаимодействия" с французами.

Развернув свои карты, английские военачальники приготовились проводить атаки на различных участках вдоль всей линии фронта, даже несмотря на то что наступательные бои на Сомме уже дали свои плоды под Верденом. К 12 июля интенсивность немецких атак на этом участке Западного фронта стала снижаться, а к 14 июля претензиям немцев на захват этого города был положен конец. Хотя бои за Верден продолжались еще несколько месяцев, кризис уже был позади, и французские войска, которыми командовали генералы Петэн и Нивелль, выбивали немцев с плацдармов, захваченных ими по обе стороны реки Маас.

Однако на фронте на Сомме боевые действия еще только начинались. Третьего июля было принято решение разделить 4-ю армию на две части. Генерал Роулинсон сохранял командование тремя корпусами (III, XV и XIII корпусами), развернутыми в южном секторе фронта и предназначенными для ведения боевых действий по обе стороны и к югу от дороги Альбер - Бапум. В то же время два северных корпуса (X и VIII) переходили к генерал-лейтенанту сэру Губерту Гофу, который в то время был командующим Резервной армией. Получив эти части в дополнение к имеющимся в его распоряжении пехотным и кавалерийским дивизиям, последний брал под свою ответственность сектор фронта от участка севернее дороги Альбер - Бапум и далее до стыка в Гоммекуре с 3-й армией Алленби. В ходе боев при Сомме Резервная армия Гофа была переименована в 5-ю армию.

Губерт Гоф является одной из трагических фигур Первой мировой войны. Окончательно звезда Гофа зашла после катастрофы его 5-й армии во время наступления Людендорфа в 1918 году. Гофа едва ли

можно обвинить в этой катастрофе; но и несмотря на это, за то время с 1916 по 1918 год, пока он командовал армией, его действия постоянно отмечались как далеко не бесспорные. Он был дельным офицером на низших командных должностях, однако остается сомнительным, имелся ли у него тот всеобъемлющий комплекс качеств, необходимых для того, чтобы умело командовать целой армией. Говоря на языке военных того времени, Гоф был "служакой", человеком, который, получив приказ, без размышлений исполняет его любой ценой. Жаль только, что он был из тех "служак", что бросали войска в атаку, не потрудившись разобраться в обстановке, и в результате этого больше всего страдали его солдаты.

Под Лоосом Гоф послал свои подразделения в атаку без соответствующей огневой поддержки, и генерал-майор Е. С. Балфин, который командовал одной из дивизий в корпусе Гофа, оказался всего лишь первым из тех нескольких офицеров, которые заявили, что они никогда больше не изъявляют желания служить под его командой. Именно репутация служаки обеспечила Гофу пост командующего Резервной армией, предназначавшейся для боев при Сомме. Дело в том, что если будет осуществлен прорыв обороны, то для развития успеха, конечно же, будут необходимы быстрота и натиск кавалерии. Причину трагически неудачных боевых действий 1915 года в боях за Неф-Шапель и при Лоосе Хейг видел в том, что ему не удалось достаточно быстро ввести в бой резерв. На этот раз он хотел, чтобы командование резервными подразделениями было поручено человеку, который не дрогнет в решающий момент. Но поскольку боевые действия 1 июля не привели к появлению стратегически важного прорыва, Хейг решил передать в распоряжение Гофа дополнительные силы и возложить на него ответственность за какой-то участок фронта. В первый день Гофа на новом назначении судьба не продемонстрировала к нему особого благорасположения; его атаки на Овиллер и Типваль, проведенные 3 июля, оказались неудачными и сопровождались потерями, а деревня Ля-Буассель, бои за которую начались 1 июля, не сдавалась вплоть до 6 июля.

Основная задача, поставленная перед Роулинсоном, подразделения которого были развернуты к югу от дороги Альбер - Бапум, заключалась в прорыве второй линии немецкой обороны у деревни Лонжеваль. Для этого ему предстояло провести "расчистку" своей полосы наступления, захватив лес Мамез и Контальмейзон, но также было ясно, что любое дальнейшее продвижение за Ля-Буассель вдоль дороги, направление которой совпадает с осью наступления, будет невозможным до тех пор, пока деревни Овиллер и Типваль не окажутся в английских руках. 4 июля солдаты 19-й (Западной) дивизии наконец захватили деревню Ля-Буассель.

В силу этих обстоятельств 4-я армия 7 июля сосредоточила свои усилия на боях за лес Мамез и за деревню Контальмейзон, однако все ее атаки были отбиты. Действия 38-й (Уэльсской) дивизии во время этой атаки подверглись особо резкой критике со стороны Хейга; к 9 июля и несмотря на то, что боевые действия шли полным ходом, командующий 38-й дивизией, генерал-майор Айвор Филиппс, был снят со своей должности. Генерал Филиппс являлся протеже Ллойд Джорджа, в ту пору военного министра. 12 июля был освобожден от занимаемой должности и отправлен на родину еще один командир дивизии, генерал-майор Т. Д. Пилчер из 17-й (Северной) дивизии. Так что представление, согласно которому безграмотных военачальников не снимали и они продолжали исполнять свои обязанности, - это еще один из мифов Первой мировой войны.

В это же время и буквально через дорогу Альбер - Бапум завершились успехом атаки Резервной армии на Овиллер. Ее солдаты смогли войти на окраины деревни, однако потери бригады, которая проводила эту атаку, составили 50 процентов. В полосе наступления 4-й армии Контальмейзон пал 10 июля, и 12 июля в руках англичан наконец оказался лес Мамез. Несмотря на то что дивизии Гофа все еще топтались на месте к северу от дороги Албер - Бапум, Роулинсон теперь решил перейти к следующему этапу наступления - к предрассветной атаке на немецкую вторую линию обороны. Основную проблему для атакующей 4-й армии представляли 1350 м открытого пространства между передовыми частями англичан и немецкой второй линией обороны. Преодолеть такое расстояние и сразу же броситься в бой на защищенного траншеями противника - это задача, пугающая своей трудностью. Однако Роулинсон считал, что он знает, как решить ее.

Посоветовавшись с командованием своих артиллерийских и пехотных подразделений, он принял решение в пользу атаки в предутренние часы, включавшей в себя скрытное, под покровом ночной темноты, выдвижение пехоты как можно ближе к немецким позициям и последующий "ураганный", но очень короткий артиллерийский обстрел. Проволочные заграждения противника будут уничтожены предшествующей многодневной огневой подготовкой, которую, однако, следует провести так, чтобы она не служила для неприятеля сигналом о предстоящей атаке. Сама атака в серой мгле наступающего рассвета в большинстве случаев не позволит немецким пулеметчикам

вести прицельный огонь. Хейг высказал опасение, что и пехотинцы, и штабы четырех дивизий, выбранных для ночной атаки, а именно 3-й и 9-й (Шотландской) дивизий XIII корпуса, а также 7-й и 21-й дивизий XV корпуса, недостаточно подготовлены для выдвижения к позициям противника в ночное время и для последующей атаки на рассвете. Однако Роулинсон не сомневался, что эта задача им по силам. Командующие корпусами выступили в его поддержку, и после большого количества споров и обсуждений Хейг решил позволить Роулинсону приступить к выполнению своего плана.

Утверждение, что солдаты британской армии, которые воевали на Сомме, имели недостаточно хорошую боевую подготовку, то там, то тут всплывает во множестве мнений, высказанных по поводу этого сражения. В этом утверждении есть определенная доля истины, но относится она в первую очередь к *штабным офицерам*. После 1914 года было достаточно времени для подготовки к надлежащему исполнению обязанностей солдат, унтер-офицеров и младших офицеров, даже несмотря на то что обучению отнюдь не способствовали нехватка оснащения и квалифицированных инструкторов, а также то обстоятельство, что те инструкторы, что имелись в наличии, приобретали свой опыт в войнах, очень не похожих на ту, которая велась на Западном фронте. Подготовка личного состава тормозилась и тем, что стремительный рост численности армии Великобритании неизбежно приводил к тому, что все время существовал дефицит инструкторов любого вида и любого уровня подготовки.

Так же остро ощущалась и нехватка штабных офицеров - основного органа управления любого мало-мальски крупного военного формирования, и чтобы удовлетворить эту потребность, требовалось еще большее время. В условиях мирного времени обучение в Штабном колледже занимало два полных года. Но в сложившейся критической обстановке продолжительность любой формы штабной подготовки оказывается гораздо меньшей. И она не может быть иной, поскольку в противном случае и вовсе нельзя будет сформировать дивизии, которым предстояло занять позиции на передовой и вести бой. В силу данного обстоятельства неизбежно выходило так, что многие штабные офицеры плохо знали свои обязанности или не имели должной подготовки, а оскорбления и ругань, которые сыпалась на них как из мешка, - Сэссун,^[45] например, назвал их "безграмотными свиньями", - никоим образом не принимали это в расчет. Подавляющее большинство штабных офицеров БЭС вынуждено было осваивать свою специальность "по ходу дела", и пока они набирались опыта, не могло не хромать управление армиями, а также организация наступательных действий.

8 июля, когда Роулинсон узнал, что развернутый справа от него французский XX корпус вопреки данным обещаниям не поддержит своим ударом по Гиллемону наступление его армии, работа над планом боевой операции была несколько приостановлена. Французы сделали выбор в пользу оборонительных действий и выразили убеждение, что наступление Роулинсона закончится провалом. Однако их отказ contained в себе и некоторое положительное начало. Дело в том, что, коль скоро французы отказались участвовать в боевых действиях, Роулинсон оказывался свободен от необходимости согласовывать с ними свои действия. Поэтому у него появлялась возможность планировать операцию исходя только из интересов своей армии и без вынужденных ограничений, всякий раз возникавших при разработке операции в силу необходимости учитывать мнение французской стороны. Хейг, со своей стороны, выполнял свои обязательства по соглашению, достигнутому им с Жоффром и Фошем, и все это время он постоянно держал немцев в напряжении по линии их обороны вдоль Анкра.

11 июля Хейг и Роулинсон провели еще одно совещание, на котором они обсудили ход подготовки операции, а на следующий день последний отдал свой боевой приказ в наступление. Атака будет начата в 3 часа 25 минут 14 июля после ураганного артиллерийского обстрела продолжительностью всего пять минут. Такое решение было принято по просьбе двух генералов, которые командовали 3-й и 9-й (Шотландской) дивизиями XIII корпуса; эти генералы считали, что любая артиллерийская подготовка большей длительности просто послужит для немцев предупреждением о готовящейся атаке. Для обеспечения огневой поддержки пехоты Роулинсон собрал около 1000 орудий различных калибров. Поскольку 14 июля наступление должно было проводиться на гораздо более узком участке фронта, чем вся полоса наступления по состоянию на 1 июля, то, соответственно, будет гораздо более высокой и плотность огня по немецкой линии обороны. В процессе огневой подготовки артиллерии было предписано стрелять только осколочно-фугасными снарядами, оснащенными взрывателями замедленного действия, так чтобы разрыв снаряда происходил в глубине проволочного заграждения или укрытия, а не от детонации в результате первоначального удара о дерево или сооружение. Подобная тактика огневой подготовки зарекомендовала себя настолько хорошо, что обстрелы одной только шрапнелью полностью вышли из употребления.

20 000 солдат из четырех атакующих дивизий надлежало под прикрытием ночи выдвинуться вверх по холму на исходные рубежи атаки; при этом 3-я и 9-я дивизии должны были пройти около 1100 м, а 7-я и 21-я - от 310 до 550 и остановиться на рубеже примерно в 450 м от траншей противника. С этого рубежа наступающие должны были нанести удар по немецким позициям, расположенным на линии, проходящей от леса Девилль через центр деревни Лонжеваль к южной окраине деревни Базентэн-ле-Гран и южной опушке леса того же названия и далее к южной опушке леса Базентэн-ле-Пти. После того как они овладеют этими объектами, следующей задачей наступающих должны будут стать захват леса Девилль, второй половины деревни Лонжеваль, а также леса и деревни Базентэн-ле-Пти. Затем в образовавшийся прорыв будет послана индийская кавалерия с задачей овладеть лесом Высокий, господствующей высотой хребта Позьере в миле к западу от деревни Лонжеваль.

Ночная атака, а точнее ночное выдвижение на рубеж атаки и предрассветная атака, проведенные генералом Роулинсоном 14 июля, спустя всего две недели после катастрофы 1 июля, стали большой, знаменательной и в настоящее время почти забытой победой. На этот раз работа штабов оказалась великолепной, секретность операции была обеспечена, пушки заранее пристреляны по целям, проволочные заграждения сняты таким образом, что это не послужило для противника сигналом о близкой атаке, а солдаты атакующих дивизий хорошо проинструктированы о том, что им предстоит сделать. Эта операция сопровождалась атакой на лес Тронэ, проведенной силами 18-й (Восточной) дивизии под командованием генерала Максзе в ту же ночь с 13 на 14 июля на правом крыле полосы основного наступления. Кроме того, VIII корпус проводил различные отвлекающие маневры к северу от дороги Альбер - Бапум. И несмотря на все эти действия, основная заслуга в разработке данной операции и ее проведении принадлежит Генри Роулинсону.

После пятиминутного шквала огня, созданного артиллеристами и пулеметчиками, в 3 часа 20 минут, под покровом ночи, на рубеж атаки стали выдвигаться пехотинцы. Они без лишних трудностей приблизились к немецким позициям, и снаряды ответного огня немецкой артиллерии взорвались в долине "Гусеница", когда их там уже не было. Разведка доложила, что проволочные заграждения сняты полностью и на большом протяжении, что немецкие траншеи разрушены, и большинство их защитников либо погибло, либо они полностью покинули свои позиции. К середине утра атакующие, сражаясь среди руин деревни Лонжеваль, подходили к опушке леса Дельвилль и уже установили контакт с 18-й дивизией на своем правом фланге. В одном броске они овладели главным хребтом Жинши - Позьере на фронте шириной примерно 5500 м, захватили около 1400 пленных, а теперь закреплялись на отвоеванных позициях и проводили зачистку траншей, которые недавно были захвачены ими. Тогда еще только следовало готовиться к тому, что немцы сумеют оперативно принять меры, чтобы остановить это наступление, и в последующие недели они будут упорно сражаться за лес Девилль и за лес Высокий. Однако это не должно умалять того обстоятельства, что прорыв второй линии немецкой обороны был осуществлен и что удалось удержать территорию, захваченную атакой солдат Роулинсона.

Однако во время Первой мировой войны было немного безусловно полных побед, и вторая часть плана Роулинсона, которая предусматривала атаку леса Высокий подразделениями 2-й индийской кавалерийской дивизии, оказалась неудачей, которая дорого стоила. Существовала также проблема оперативного развертывания резерва и ввода его в бой раньше, чем немцы смогут заделать брешь в своей обороне. Овладение позициями у леса Высокий играло решающую роль в успехе всей операции в целом, и до 10 часов утра 14 июля эта задача была выполнима, поскольку немцы бросали свои позиции на второй линии обороны. Несколько старших офицеров британских войск из тех, кто во время атаки смог прорваться особенно далеко вперед, докладывали, что дорога к этому лесу была широко открыта. Поэтому генерал-майор Х. Е. Уатт, который командовал 7-й дивизией, предложил немедленно бросить на лес Высокий свою резервную 91-ю бригаду. Однако ему было приказано не делать этого, во-первых, потому что эта задача была поручена индийской кавалерии, а во-вторых, потому что Роулинсон ожидал немецкой контратаки и хотел, чтобы резервные подразделения штурмовых дивизий были готовы отбить ее. Это было разумная и профессионально грамотная мера предосторожности, поскольку резервы для того и существуют, чтобы закрепляться на занятых позициях и отражать контратаки, и Роулинсона нельзя осуждать за такое решение. Далее, коль скоро существует возможность подавить огонь неприятеля, не менее разумным оказывается решение ввести в бой части Кавалерийского корпуса, поскольку на полях сражений 1916 года кавалерия оставалась единственным родом войск, способным делать быстрые броски вперед.

Проблема заключалась в том, что выход 2-й индийской кавалерийской дивизии на передовую проходил с большими задержками. Дивизия была размещена в тылу в Морланкуре, в четырех милях

к югу от Альбера, и когда в 8 часов 20 минут пришел приказ о выдвижении к передовой, кавалеристам пришлось двигаться по дорогам, забитым повозками с провиантом и боеприпасами, и по полям, усеянным воронками от снарядов, исполосованным траншеями и рядами колючей проволоки. В результате, когда дивизия достигла линии фронта и получила приказ атаковать противника на позициях у леса Высокий, которые тогда штурмовали солдаты 7-й дивизии, было 14 часов 15 минут. К тому времени немцы начали наращивать силу своих контрударов, а в штабах XIII и XV корпусов и всей 4-й армии возникло очень сильное беспокойство по поводу обстановки, складывающейся в Лонжевале, где все еще продолжалось сражение. И лишь в 19 часов, спустя почти двенадцать часов после того, как им был отдан приказ на выступление, кавалеристы 20-й Декканской конной и 7-й конногвардейской дивизий, по одному эскадрону от каждой, начали наступление в направлении леса Высокий. Они попали под пулеметный и артиллерийский огонь и, неся тяжелые потери, были вынуждены незамедлительно остановить свою атаку. Таким печальным фактом был завершен этот во всем остальном удачный день боевых действий. Общие потери всех четырех дивизий, участвовавших в боях 14 июля, составили 9000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Ценою этих потерь англичане сумели вбить клин во вторую линию немецкой обороны, но при этом в руках противника так и остались лес Девилль, часть деревни Лонжеваль и очень важный в военном отношении лес Высокий.

Ряд тяжелых боев все еще лежал на пути к достижению всех целей наступления 14 июля. В течение следующих недель надолго затянувшейся борьбы за обладание лесом Дельвилль тяжелые потери понесет Южно-Африканская бригада, которая входила в состав 9-й (Шотландской) дивизии, а в 1,5 км к северо-востоку от Ля-Буассель австралийцы будут брошены на штурм позиций у Позьере.

После того как 4 июля была взята деревня Ля-Буассель, следующим препятствием на дороге Альбер - Бапум, которая являлась осью британского наступления, стала деревня Позьере. Он располагалась на высоте, господствующей над полем боя, - на вершине склона, избегающего к основному хребту. Потребовалось много недель упорной борьбы для того, чтобы проложить путь к Позьере, и задача окончательно овладеть этой деревней была поручена 1-й австралийской дивизии, которая теперь входила в состав Резервной армии Гофа.

После того как он прибыл из Галлиполи, армейский корпус Австралии и Новой Зеландии (АНЗАК) получил возможность отдохнуть, а затем его прикрепили ко 2-й армии Плумера. 7 июля Хейг приказал 1-й австралийской дивизии войти в состав резерва Ставки Главного командования и развернуться в районе сосредоточения 4-й армии, а затем, 19 июля, он прикрепил эту дивизию к Резервной армии и послал ее на замену 34-й дивизии III корпуса. 5-я австралийская дивизия была присоединена к 5-й армии Горна для участия в плохо продуманном наступлении 19-20 июля на Фромелль в окрестностях Обера. Однако первое крупное сражение, которое солдаты Австралии провели во Франции, состоялось 25 июля 1916 года. Австралийцы в тот день начали наступление на Позьере, первое в цепи атак, которые начались в тот день и продолжались вплоть до 3 сентября и которые носят официальное название сражение за хребет Позьере.

Как и во всех остальных боях, начиная с высадки в Египте в 1914 году и вплоть до мая 1918 года, когда генерал-лейтенант Джон Монаш принял под свое командование соединение, которое стало к тому времени Австралийским армейским корпусом, войсками АНЗАК в том сражении командовал британский генерал, офицер Индийской армии, генерал-лейтенант Уильям Ридделл Бидвуд, или "Бэрди" - такое прозвище он получил у своих горячо любимых "диггеров".^[46] Бидвуд родился в 1865 году в городе Пуна, в Индии, где его отец был помощником губернатора Бомбея. В их семье все мужчины были военными; два брата Бидвуда поступили в армию и оба умерли, состоя на действительной службе, один в 1894 году, а другой погиб, воюя в составе 4-го стрелкового полка гуркхов, в 1914 году в Месопотамии.

После учебы в колледже Клифтона - учебного заведения, в котором когда-то учился Хейг - Бидвуд продолжил образование в военном колледже в Сандхэрсте. Окончив его в 1894 году, он получил офицерское звание и назначение в свой полк - в расквартированный в Индии 12-й уланский полк. Но семья Бидвудов не относилась к числу богатых, и через год своей службы в Индии молодой Бидвуд вынужден был просить перевода в гораздо менее дорогой полк Индийской армии - в 11-й Бенгальский уланский полк. Нет сомнения, Бидвуд очень любил Индию. Ему довелось нести службу в Северо-Западной пограничной провинции и быть в составе Тирахской экспедиции 1897 года.^[47] Во время этой экспедиции Бидвуд участвовал в Сражении за Даргайские высоты, когда шотландский полк Гордонских хайлендеров, поддержанный гуркхами и сикхами, в штыковой атаке сбросил афганцев с хребта. То была великолепная жизнь, полная приключений и опасностей. Бидвуд

наслаждался каждым ее днем и одновременно все время продвигался по служебной лестнице, в особенности после своей службы в Южной Африке во время англо-бурской войны, где он встретился с генералом Китченером и был замечен им. Бидвуд и Китченер подружились, и они остались друзьями до последних дней жизни Китченера. Фельдмаршал стал крестным отцом дочери Бидвуда, и его гибель в море меньше чем за месяц до сражения при Сомме стала тяжелым ударом для последнего, трагедией, которая, как он сказал, "потрясла меня... Я оплакивал своего близкого друга не в меньшей степени, чем великого воина и государственного деятеля".

Во время своей службы в Индии Бидвуд женился на племяннице лейтенанта Гонвилла Бромхеда, одного из тех офицеров, которые были награждены крестом Виктории за оборону укрепления Рорке Дрифт от нападения зулусов в 1879 году.^[48] Имя Бидвуда стало еще более известным во время англо-бурской войны, когда он возобновил знакомство со многими из офицеров армии Великобритании, с которыми он учился в Сандхэрсте, когда он завоевал репутацию толкового боевого командира и в 1900 году вошел в штаб Китченера в качестве заместителя помощника генерал-адъютанта. По окончании англо-бурской войны Бидвуд вернулся в Индию в качестве военного секретаря в штате Китченера и оставался на этой должности в течение всех лет напряженных отношений, сложившихся между Китченером и вице-королем Индии лордом Керзоном. Когда началась Первая мировая война, Бидвуд в чине генерал-майора служил в Дели на должности руководителя Управления армией Индии. Однако 18 ноября он получил телеграмму от Китченера, в которой ему предлагалось взять на себя командование дивизиями из Австралии и Новой Зеландии, которые в ту пору перебрасывались в Египет. Месяцем позже Бидвуд, уже в чине генерал-лейтенанта и командующего корпусом, присоединился к войскам АНЗАК в Каире, и с этого времени начался один из самых счастливых и наиболее плодотворных периодов его выдающейся и долгой военной карьеры.

Согласно широко распространенной легенде австралийские солдаты особенно плохо относились к офицерам Великобритании, считая их плохими вояками, которые лишены твердости духа, находятся под влиянием кастовых предрассудков, страдают отсутствием боевитости и больше всего заняты муштрой и шагистикой. В наши дни подобное мнение получило поддержку со стороны таких фильмов, как "Галлиполи" (1981 год), а также утверждается в книгах и телевизионных программах. Однако в поддержку подобной точки зрения существует очень мало свидетельств современников. Будь это на самом деле так, назначение в командующие профессионального английского военного, и тем более из индийской армии, где кастовые предрассудки особенно сильны, было не самым мудрым выбором. А получилось так, что Бидвуд и его солдаты из АНЗАКа с самого начала ладили на удивление хорошо, и эти теплые чувства не слабели до самой смерти Бидвуда. Его мемуары буквально усеяны упоминаниями о "моих дорогих австралийцах", а когда после войны он в 1919–1920 годах посетил Австралию, его повсеместно приветствовали тысячи его бывших солдат, которые кричали "Ура!" и просили дать автограф. На одном из обедов, данных во время его визита, 700 бывших диггеров просили его подписать их карточки с меню. Одно желание Бидвуда так и осталось невыполненным - он хотел стать генерал-губернатором Австралии. Но несмотря на это его разочарование, дочь Бидвуда вышла замуж за австралийца, а сам он неоднократно приезжал в Австралию и стал считать ее своим вторым домом.

В Галлиполи Бидвуду было поручено командовать Имперскими австралийскими вооруженными силами (ИАВС). На финальном этапе операции он нес ответственность за их эвакуацию, в течение которой не было потеряно ни одного солдата, а в 1916 году - за доставку этого контингента войск во Францию. Здесь ИАВС были разбиты на два корпуса, Бидвуд стал командовать АНЗАК-I, в составе которого находились 1-я и 2-я австралийские дивизии, а генерал-лейтенант сэр Александр Кодли получил под свою команду 4-ю и 5-ю дивизии, образовавшие АНЗАК-II. И теперь солдатам Бидвуда, "его дорогим австралийцам", предстояло принять участие в боях на Сомме.

Наступлению на Позьере, которое было начато 23 июля, предшествовала трехдневная огневая подготовка, и атака пехоты 1-й австралийской дивизии была поддержана действиями английской 48-й (Южно-Миддлендской) дивизии, которая наносила удар слева от австралийцев. До начала атаки штурмовые бригады смогли подойти на расстояние 180 м до немецких позиций, и в первом броске они заняли траншеи Позьере к югу от дороги Альбер - Бапум. 2-я австралийская дивизия вступила в бой несколькими днями позже, и АНЗАК-I начал с боями пробиваться вдоль этой дороги, неся при этом тяжелые потери.

На участке фронта к югу от дороги положение дел было несколько не лучше. В боях с целью прорыва обороны противника Роулинсон всегда предпочитал тактику атаки малыми силами тактике

полномасштабного наступления, но по мере приближения конца июля и начала августа подобные, похожие на укусы атаки, которые проводились силами батальона или бригады, стали сопровождаться большими потерями при минимальном выигрыше в территории. Хейг, недовольство которого малой результативностью атак Роулинсона становилось все больше и больше, 24 августа потребовал от последнего более широкомасштабной координации боевых действий: "Необходимо общее наступление, одновременный удар по противнику по всей линии фронта". Таким образом, по мере того как лето шло к концу, бои не утихали, и англичане, проведя некоторое количество атак, пядь за пядью отвоевывали у противника небольшие кусочки территории, платя за это тяжелую дань в виде больших потерь. После той успешной атаки, которую Роулинсон провел 14 июля, прошло еще целых два месяца, прежде чем англичанам снова удалось добиться существенных успехов, на этот раз в сражении у Флер-Курселет, в котором на поле боя впервые появилась новая боевая машина - танк.

Во время Первой мировой войны главной причиной огромных человеческих жертв на Сомме и на многих других полях сражений Западного фронта стало то, что в тактике боевых действий того времени доминирующая роль принадлежала оружию обороны, а если говорить точнее, то колючей проволоке в сочетании с артиллерией и пулеметами. То была проблема, которая в наступлении вставала перед любой из сторон, поскольку на это смертоносное оружие обороны накатывались и разбивались волны пехоты любой армии - французской, немецкой или же британской. При этом нельзя сказать, что проблемы прорыва обороны на Западном фронте не занимали умы изобретателей или высшего руководства.

Впервые возможное решение проблем, с которыми армия Великобритании столкнулась на Западном фронте, были изложены в письменном виде подполковником Морисом Хэнки (позднее лордом Хэнки) на Рождество 1914 года, спустя немногим менее чем спустя пять месяцев после начала войны. В ту пору Хэнки был секретарем Военного совета и Комитета по делам обороны империи. В своем меморандуме в адрес премьер-министра Асквита и Кабинета министров в целом Хэнки дал оценку обстановке, которая сложилась на Западном фронте с тех пор, как воюющие армии зарылись в землю на зимний период, и указал, что, поскольку на фронте складывается тупиковая ситуация и что, судя по всему, она надолго останется таковой, есть только два выхода из нее:

- 1) нанести удар по противнику в какой-то другой точке и тем самым выйти во фланг Западному фронту;
- 2) разработать способ или средства для преодоления системы обороны, сочетающей применение артиллерии, пулеметов и колючей проволоки.

В конце концов были приняты оба предложения Хэнки. Результатом первого стало кровопролитие, учиненное в Галлиполи английским, французским, новозеландским и австралийским солдатам, а также непальским гуркхам, высадившимся там в 1915 году. Второе предложение привело к изобретению и разработке конструкции танка.

Даже в 1914 и 1915 годах бронированные боевые машины были не в новинку. Уже во время англо-бурской войны 1899–1902 годов применялись бронепоезда, а в сентябре 1914 года воздушная служба военно-морских сил Великобритании (ВС ВМС) начала использовать бронеавтомобили для патрулирования равнин, простирающихся к востоку от их базы в Дюнкерке, и для поиска сбитых летчиков. На самом деле это были обычные "Роллс-Ройсы", облицованные котельным железом, но их применение привело к созданию более сильно вооруженных машин боевого охранения. Последние были предложены главою авиационного отдела Адмиралтейства коммодором (позднее контр-адмиралом) сэром Мюрреем Сьютером. Помимо облицовки котельным железом он оснастил машины пулеметами и направил их на борьбу с кавалерийскими патрулями противника. Незадолго до начала войны Сьютер также приложил немало сил для создания ВС ВМС.

В случаях, когда они применялись грамотно и с выдумкой, эти бронеавтомобили сослужили хорошую службу на том этапе войны, который получил название "Гонка к морю". Однако когда после Первого сражения под Ипром в 1914 году сложилась стабильная линия траншей позиционной войны, на фронте не стало условий для ведения маневренных боевых действий. Помимо этих и иных соображений подобного рода применение бронеавтомобилей ограничивается наличием дорог, и в июне 1915 года все, что осталось от этого небольшого подразделения военно-морских сил, было передано армейскому руководству и направлено на Ближний Восток. Позднее эти машины использовались полковником Т. Е. Лоуренсом и его Арабской армией в боевых действиях против турок.

Хотя основной движущей силой в создании танков был Уинстон Черчилль, ни один человек не может сказать, что именно он изобрел танк. И с точки зрения значения этого слова изобретать было нечего,

машина была скорее собрана, чем изобретена, потому что уже были известны основные элементы ее двигателя, бронирования и гусеничных траков. Одним из первых военных специалистов, выступивших с идеей танка, был подполковник инженерных войск Э. Свинтон (позднее генерал-майор сэр Эрнст Свинтон). В 1914 году его направили во Францию в качестве официального военного корреспондента, и там ему пришлось увидеть, как по мере формирования стабильных позиций на Западном фронте прекращали существование все способы маневренной войны. Тогда у него родилась идея разрушить складывающуюся тупиковую ситуацию путем применения в бою гусеничных бронированных машин, созданных на базе существующего сельскохозяйственного трактора типа "Холт Катерпиллар Трактор".

Своими соображениями по этому поводу Свинтон в первую очередь поделился со своим начальником, полковником Хэнки, дав ему тем самым пищу для размышлений, которые вылились в его меморандум, появившийся на Рождество 1914 года. И тем не менее, если кто-то и имел право утверждать, что он положил начало работе над машиной, которая получила название "танк", то это был Уинстон Черчилль, который в начале 1915 года являлся 1-м лордом Адмиралтейства. Черчилль обратил внимание на меморандум Хэнки, и с этого времени он держал под своим контролем разработку гусеничной бронированной машины, которая будет пересекать траншеи, сминать путаницу заграждений из колючей проволоки и воевать в тесном взаимодействии с пехотой.

В силу этого обстоятельства танк на первых этапах работы над проектом являлся разработкой военно-морского ведомства, и его называли "кораблем суши", а группа кораблестроителей, работавших над ним, получила название "Комитет сухопутных кораблей". Исходные корабли суши, заказанные Уинстоном Черчиллем в 1915 году, представляли собой бронированные машины длиной 40 футов (12,2 м) и шириной 13 футов (3,96 м) с толщиной брони на крыше 0,24 дюйма (6 мм) и бортовой броней толщиной 0,31 дюйм (8 мм). Они должны были брать на борт штурмовые группы численностью в пятьдесят солдат, вооруженных пулеметами Льюиса. Черчилль являлся одним из основных сторонников военной экспедиции в Дарданеллы, и когда после неудачи, постигшей эту экспедицию, он был вынужден подать в отставку с поста 1-го лорда Адмиралтейства, работы над проектом были прекращены. Однако идея проекта была подхвачена Дэвидом Ллойд Джорджем, в ту пору министром вооружения.

Свинтон продолжал пропагандировать свою идею. И в июне 1915 года он подготовил свой собственный меморандум, озаглавленный "Необходимость создания истребителей пулеметов". По его мнению, подобные машины должны были представлять собой "гусеничные тракторы с двигателями внутреннего сгорания, которые смогли бы передвигаться со скоростью до 4 миль в час (6,4 км/час), пересекать канавы шириной до 4 футов (1,22 м) и преодолевать пустоши, поросшие мелким кустарником. Они должны иметь бронирование, защищающее от немецких винтовочных пуль со стальным сердечником, и иметь вооружение в виде двух пулеметов "Максим" и одной пушки калибром два фунта". Это был значительный шаг вперед по сравнению с бронетранспортером для перевозки солдат, который разрабатывался в предыдущем году. То, что предлагал Свинтон, являлось бронированной боевой машиной (ББМ).

В Военном министерстве были разработаны технические требования, и их направили в Комитет сухопутных кораблей, который и заказал первый образец машины, названной по имени ее проектировщика "Триттон", а позднее переименованной в "Крошку Вилли". Работы по его сооружению начались в августе 1915 года, и, несмотря на то что в проект постоянно вносились изменения, они шли быстрыми темпами, поскольку уже имелись в распоряжении основные элементы машины, а именно - гусеницы и двигатель - стопятисильный мотор Даймлера. Название типа боевой машины - "танк" - впервые было применено, чтобы обеспечить требования секретности при перевозке. Установленные на железнодорожные платформы и укутанные в брезент, эти машины имели на борту надпись "водяные танки", и постепенно слово "танк" стало общепринятым наименованием новой военной техники. Первый вариант изготовленной, если не сказать сильно перестроенной, этой машины, которая при рождении была окрещена "*Большим Вилли*", выползла на белый свет 8 сентября 1915 года.

Работы над первым образцом продолжались в течение осени 1915 и зимы 1916 годов, и 2 февраля 1916 года состоялись его официальные демонстрационные испытания в присутствии правительства и высшего командного состава армии. К тому времени "*Большой Вилли*" уже подрос. Общая длина машины составляла 31 фут 3 дюйма (9,531 м), высота - 8 футов (2,44 м), ширина - 13 футов 8 дюймов (4,168 м), а весила она при полной загрузке, с командой, с топливом и с боеприпасами, более 28 тонн. Команда состояла из 8 человек, а вооружение машины составляли либо пулеметы, либо морские

орудия калибром 6 фунтов, установленные в бортовых спонсонах - полукруглых башнях по обе стороны танка, которые позволяли до некоторой степени поворачивать ствол пушки относительно как вертикальной, так и горизонтальной оси. Демонстрационные испытания прошли в Хертфордшире на полигоне Хэтфилд Парк. Здесь "*Большой Вилли*" успешно преодолел такие препятствия, как траншеи, но лучшая скорость, которую ему удалось развить, не превышала 2 миль в час (3,2 км/час). Реакция на успешные испытания была неоднозначной. По мнению коммодора Сьютера армии следовало тут же заказать 3000 подобных чудовищ, однако лорд Китченер довольно сдержанно отнесся к данному предложению, и поэтому первоначально было заказано всего 40 таких машин, а позднее заказ был увеличен до 100 единиц. Размещение заказа на производстве состоялось 11 февраля 1916 года, менее чем за пять месяцев до начала сражения при Сомме. Сделать за это время предстояло очень многое: нужно было изготовить и испытать боевые машины, нужно было набрать и обучить солдат, которым придется воевать в них, а тем, кто нес ответственность за проект в целом, нужно было увязать и согласовать вопросы, касающиеся тактики применения нового оружия. И в первую очередь все это должно было протекать в обстановке глубочайшей секретности.

Подготовка и формирование бронетанковых войск, которые тогда находились в младенческом возрасте, были поручены полковнику Свинтону. Правда, при этом ему тут же дали понять, что он не может, и конечно же, не должен ожидать, что ему будет позволено командовать ими или вести их в бой. Как только он увидел, насколько полезным может быть танк на поле боя, армейское командование во Франции стало выступать за скорейшее и широкое применение этих машин в боевых условиях, а Свинтон пытался противостоять этому шагу. Им к тому же была составлена серия "Тактических инструкций", которые, как он надеялся, будут служить и как пособие по боевой подготовке, и как наставление в части того, как следует применять танки в бою.

Однако успех в создании нового оружия - это далеко не конец всего дела. Это оружие, в данном случае бронированная боевая машина, будет обладать определенным комплексом тактико-технических характеристик и достоинств, но в *боевых условиях* эффективность применения любого оружия как минимум наполовину будет зависеть от того, кто им управляет и в каких условиях оно применяется. В силу этого обстоятельства то, как *используется* оружие, также важно для его эффективного применения, как и тактико-технические данные, присущие ему. Принимая во внимание подобные обстоятельства, первые ревнители танка выступили с очень четко выраженными точками зрения на то, как, когда и где следует применять эту новую боевую машину.

Главное положение Свинтона заключалось в том, чтобы танки не были привязаны к пехоте. Это вызывает удивление, особенно если учесть, что эти машины создавались как оружие поддержки пехоты. В своих "Тактических инструкциях" он также настаивал на том, чтобы это новое оружие не вводилось в бой небольшими группами, а применялось массированно, в виде крупных соединений, как одна из составляющих крупной войсковой операции с участием пехоты, артиллерии и военно-воздушных сил, в которой можно будет использовать как фактор внезапности, обеспечиваемый танками, так и их скорость, необходимую для развития достигнутого успеха. Для обеспечения внезапности большую роль играло соблюдение требований секретности, но что касается скорости, то для первого танка, что пошел в бой, это была вещь невозможная. В условиях бездорожья сильно вооруженные бронированные машины оказались до крайности медленными а, преодолевая траншеи и воронки от снарядов, они были далеко не такими проворными, как надеялись энтузиасты. В этом нашли отражение возможности техники того времени; если говорить о двигателях и трансмиссиях, то в 1916 году первые не имели мощности, а те и другие - к тому же и надежности, необходимой для того, чтобы такая тяжелая машина могла передвигаться по бездорожью.

За месяцы, прошедшие после назначения Свинтона, были построены танки, и стал принимать реальные очертания организм будущего Танкового корпуса. Последний начал свою жизнь как "Подразделение бронированных машин Пулеметного корпуса", которое, в свою очередь, позднее получило не менее неуклюжее наименование "Пулеметный корпус. Служба тяжелых машин". В это новое формирование набирали или переводили людей, имеющих способности к технике; многие приходили сюда из ВС ВМС или из Пулеметного корпуса. В первый раз они вместе со своими танками участвовали в бою 15 сентября 1916 года в сражении у деревень Флер и Курселет.

Прежде чем приступить к подробному анализу этого сражения, нам следует вернуться к вопросу об условиях применения оружия, к фактору, который важен для всех видов оружия. Даже если техническое задание на разработку было составлено великолепно и созданное оружие в полной мере отвечает заложенным требованиям, все равно ни одно подобное изделие не продемонстрирует всех своих возможностей, если те, кто пользуется им, не имеют надлежащей подготовки, а те, кто

командуют, не имеют каких-то представлений о боевых характеристиках данного вида оружия, а также о его применении в сочетании с другими видами вооружения. Сочетание этих факторов объединено в одном термине - "тактическое применение оружия".^[49]

С появлением на свет нового, даже революционного, оружия вопросы его *тактического* применения становятся предметом ожесточенных споров. В случае танка такая полемика началась с попытки дать точное определение, к какому виду оружия *относится* эта машина. Следовало ли видеть в нем подвижное долговременное огневое сооружение, предназначенное для поддержки наступающей пехоты? Или, быть может, в случае массированного применения танков они фактически являлись закованной в броню кавалерией, способной с громом и молниями пронестись сквозь оборону противника и выйти на оперативный простор, воскрешая тем самым методы маневренной войны? В данном случае британские специалисты по действиям танка в бою (не следует удивляться, что их было немного в 1916 году) сошлись во мнении, что танк - это оружие поддержки пехоты, и этому решению суждено было иметь весьма далекие последствия.

Данная полемика носила далеко не академический характер. В зависимости от принятого решения будет меняться тактика применения, равно как будут изменяться и требования к новым моделям танков или к новым модификациям уже существующих машин бронетанковых сил во всем, что касается их скорости, толщины брони, вооружения, радиуса действия, численности команды и применяемых тактических построений. Военным специалистам по тактике применения танков, в свою очередь, придется размышлять над тем, где и в какой роли могут быть успешно использованы танки, а также условия какой местности будут наиболее благоприятны для их применения. На первый взгляд очевидность ответов на два последних вопроса может показаться лежащей совершенно на поверхности. Однако во всех спорах о новом и революционном оружии главными были базовые вопросы о том, как следует развертывать танки, о том, следует ли их посылать группами в две или три машины для поддержки действий пехоты или же применять массированно, создавая бронированный клин, чтобы взломать фронт неприятеля, выйти на оперативный простор и вернуть маневренность на поле боя.

Решение экспертов, согласно которому танк считался "орудием поддержки пехоты", оказывало свое влияние на проекты английских танков до середины Второй мировой войны. Когда началась эта война, основным боевым танком Великобритании являлась "Матильда", которая имела мощную броневую защиту и слабое вооружение; максимальная скорость этого танка составляла около 8 миль в час (12,8 км/час). Такая скорость была, конечно, невысокой, но ее было вполне достаточно для того, чтобы сопровождать пехоту. Немцы, которые во время Первой мировой войны уделяли танкам очень мало внимания, встали на другую точку зрения и пришли к выводу, что танки фактически являются "бронированной кавалерией"; на первом этапе войны их танки (*Panzer*) - быстрые машины с мощным вооружением - явились ударной силой стремительных немецких блицкригов во Франции и в России. А те танки, которые в 1916 году вступили в бой у деревень Флер и Курселет, имели слабое вооружение, недостаточную броневую защиту и не обладали должной надежностью. Экипажи английских танков Второй мировой войны, которые в 1941–1942 годах воевали в пустынях Северо-Западной Африки, нашли бы слишком хорошо знакомым этот перечень хронических недостатков.

Пока танки секретно доставлялись во Францию, пока их экипажи учились управлять своими машинами, бои на всех участках фронта на Сомме не прекращались. Пусть медленно и ценою больших потерь, но под ударами англичан линия фронта отходила на восток. К 14 сентября она начиналась от места стыка с французской армией у леса Люз немного западнее Комбле, а далее она шла вдоль северной опушки леса Девилль к дороге Альбер - Бапум. Сразу же за немецкой линией обороны и справа от этой дороги находилась деревня Мартинпюйш; еще одна деревня, Курселет, была расположена на левой стороне дороги и в 700 м от нее. Деревня Флер, оказавшаяся на удалении 1350 м в глубину немецкой обороны, была расположена севернее леса Девилль. Танки впервые участвовали в бою на расположенном между этими двумя деревнями открытом пространстве к востоку от Позьере.

Потребность в танках была рождена острой необходимостью - этой матерью всех инноваций. Безотлагательность проблемы не позволяла полностью проверить надежность этой машины до того, как она будет поставлена на вооружение. Танк принадлежал к тем видам боевой техники, экипажи которой учились управлять ею и вести бой с ее помощью не на учениях, а сразу на поле боя. Поэтому не приходится удивляться, что первые машины не имели достаточной надежности, или тому, что допускались ошибки при их использовании. Когда речь заходит о том, как использовались танки, генерала Хейга чаще всего критикуют за то, что он не посчитался с мнением экспертов, не

воспользовался главным преимуществом танков, а именно - неожиданностью появления, и слишком поспешил послать их в бой, рассеяв мелкими группами среди батальонов наступающей пехоты и в не подходящих для этих машин условиях. Оба обвинения совершенно справедливы, но ответьте на следующий вопрос: если эти ошибки столь очевидны, то почему же тогда Хейг совершил их?

Ответ нужно искать в том положении, в котором оказались Хейг и его командующие армиями к середине сентября 1916 года. Сражение при Сомме длилось уже два с половиной месяца. За это время, хотя и большой ценой, но были достигнуты определенные успехи. Однако на многих участках фронта, например на линии фронта вдоль Анкра, противника не удалось оттеснить более чем на 50 м. Наступила осень, приближалась зима, потери были огромными, и было очень нужно сделать что-то такое, что компенсировало бы затраты, понесенные при этом наступлении. Так или иначе необходимо было прорвать линию немецкой обороны.

Теперь в его руках была эта новинка - танк, оружие, которое в силах осуществить прорыв, разрушить проволочные заграждения, которое не боится огня пулеметов и которое станет ударной силой атакующей пехоты. "Специалисты" в области танкового боя советовали Хейгу подождать, но они также говорили ему, что успешность применения их машин находится в огромной зависимости от состояния грунта, по которому они передвигаются... и, если Хейг будет ждать, последующие артиллерийские обстрелы и осенние дожди, несомненно, сделают грунт еще более плохим. "Специалисты" также говорили, что секретность операции, к которой они так стремились, вряд ли может быть сохранена в течение более длительного периода времени, так что, если танк вообще будет применяться в боях 1916 года, его нужно применять как можно быстрее. Поиски решения, которое в равной степени отвечало бы взаимоисключающим требованиям, - всегда непростое дело, но помимо всего упомянутого Хейгу приходилось помнить об еще одном обстоятельстве.

Каждый день, проведенный им в ожидании, каждый день, проведенный пехотой в атаках без поддержки танков, приводил к тому, что гибли все больше и больше солдат. Многие историки заявляли, что в сентябре 1916 года Хейг, послав танки в бой в сражении при Флер и Курселет, поступил неумно уже потому, что он слишком поторопился сделать это. Нетрудно догадаться, что они сказали бы или могли бы сказать сегодня, если бы Хейг в сражении у Флер - Курселет не пустил бы в ход это оружие, предназначенное для разрушения проволочных заграждений и прорыва через траншеи, и заставил пехоту идти на штурм без него.

Академические ученые и историки, специализирующиеся на истории бронетанковых войск, имеют возможность выбирать почву, чтобы выстраивать на ней цепочку своих рассуждений, они могут придавать особое значение тем доводам, которые выгодны для них, скрывая или игнорируя все то, что может ослабить их позицию. Генерал Хейг не имел права на подобную роскошь. Ему нужно было учитывать интересы всей армии, он был человеком, поставленным во главе, командиром с максимальной полнотой ответственности. Если он, видя, что при атаке на Флер новое оружие может принести пользу, отказался использовать его, это было бы пренебрежением служебными обязанностями. Кроме того, танк все еще был *экспериментальным* оружием. Рано или поздно, но ему предстояло пойти в бой, и тогда солдаты смогут оценить, насколько все теоретические предположения о боевых качествах танка соответствуют его реальным возможностям на поле боя.

Истина заключается в том, что в июле 1916 года не могло быть "специалистов по танкам". Это оружие еще не разу не применялось в бою, и все соображения в части его тактического применения, высказанные Свинтоном и его коллегами, а позже подполковником Дж. Фуллером с последователями (речь о нем пойдет несколько позже в этом повествовании), были чисто умозрительными построениями и ничем иным. Потому было вполне разумно испытать танк в бою и дать оценку его достоинствам и недостаткам, перед тем как размещать заказы на сотни таких боевых машин, проводить какие-то усовершенствования, отзываться с фронта тысячи солдат и формировать танковые экипажи, а также отвлекать и без того скудные производственные мощности на изготовление танков. Поскольку это было совершенно новое оружие, еще ни разу не проверенное в боевых условиях, так называемые специалисты знали о поведении танка в бою не более того, что было известно самому Хейгу.

Целью сражения при Флер и Курселет было пробиться сквозь немецкую линию обороны с помощью проводимого в несколько этапов наступления, главный удар которого приходился на позиции между деревнями Флер и Курселет. В силу того что наступление планировалось как многоэтапное, выполнение основной боевой задачи предусматривалось проводить в виде комплекса последовательных ближайших задач, отмеченных линиями на карте, получившими название, начиная с самой близкой: Зеленая, Коричневая, Синяя и Красная линии. Наиболее удаленная Красная линия

проходила по рубежам Морваль и Гедекур, и в случае выхода на эти рубежи деревни Мартинпюйш и Флер оказывались полностью за передовой английских войск. Это означало бы продвижение вперед примерно на 4 км на фронте шириной 5,5 км. Учитывая результаты предыдущих наступлений на фронте у Соммы, подобную основную боевую задачу нужно считать претенциозной.

В этом наступлении должны были участвовать, слева - направо: III, XV и XIV корпуса 4-й армии, поддержанные на левом фланге Канадским корпусом из Резервной армии, который имел задачу захватить деревню Курселет. Поддержку на правом фланге должен был оказать французский XX корпус, боевой задачей которого было овладение деревней Комблэ. Резерв, который предназначался, чтобы развить всякий успех, достигнутый при прорыве, состоял из пяти кавалерийских дивизий. Начало атаки Роулинсон назначил на 6 часов 20 минут утра 15 сентября и подготовил хорошо проработанный план для самых различных соединений его армии.

Как уже говорилось, битва при Сомме на самом деле представляла собой цепь отдельных сражений, так что, когда началось сражение Флер - Курселет, английская армия уже усвоила большую часть из уроков, полученных ею в этих боях. Храбрость и находчивость батальонов, поступивших к нему из Новой армии, восхищали Роулинсона. Однако ему не менее хорошо было известно, что 1 июля эти солдаты продемонстрировали недостаточную боевую подготовку и отсутствие опыта. Попад в суровую школу на полях сражений, они быстро учились воевать. То же можно сказать о генералах.

К сентябрю 1916 года стала широко распространенной такая новаторская тактика боевых действий, как огневая поддержка с переносом огня по промежуточным рубежам, как стремительное развертывание на передовой артиллерии поддержки и резерва, постановка дымовых завес, контрбатареинный огонь, присутствие артиллерийских офицеров-корректировщиков огня в боевых порядках пехотных бригад и батальонов, а также тщательная зачистка траншей и укрытий противника после успешно проведенной атаки, то есть вся та практика, которая до 1 июля считалась радикальной, если не опасно радикальной. Специальная инструкция Роулинсона по 4-й армии, которая устанавливала право преимущественного использования дорог во время наступления, в приказном порядке предписывала широко применять эту новаторскую тактику ведения боевых действий.

К тому времени грязь Соммы уже приобрела широкую и печальную известность, а поскольку артиллерийские снаряды продолжали уродовать землю, дороги, проложенные через поле боя, хотя и простреливались артиллерией противника, но приобретали всевозрастающую важность для быстрой переброски войск и боеприпасов. Таких дорог было проложено немного, все они были узкими, и по этим причинам пришлось издать приказ, регламентирующий порядок их использования. После атаки приоритетное право на прохождение к линии фронта должно принадлежать пушкам, обеспечивающим поддержку наступающей пехоты. Второй по приоритетности являлась кавалерия, задача которой заключалась в том, чтобы воспользоваться любым прорывом и раздвинуть его фланги. После того как уйдет кавалерия, к передовой могут пойти легкие повозки с питанием и боеприпасами для пехоты. По дороге назад эти повозки должны будут увозить в тыл раненых. Пока проходят эти перевозки, саперы и пионеры будут заняты ремонтом дорог и настилов, они будут засыпать воронки от разрывов снарядов и делать все, что в их силах, чтобы темп наступления оставался высоким.

Для предстоящей атаки был установлен осуществимый на практике график времени прохождения приказов. Согласно этому графику время, потребное на прохождение приказа от корпуса до роты на передовой, должно составлять *шесть часов*. Графиком также подчеркивалось, что этот период необходим для того, чтобы приказы отдавались заблаговременно, так чтобы командиры батальонов и рот имели достаточно времени ознакомиться с местностью, составить план боя, отдать свои боевые приказы, а также чтобы дать солдатам отдохнуть и накормить их.

Настолько, насколько предварительная разработка операции и ее детальное планирование позволят обеспечить такое развитие событий, во время этого наступления никто не будет брошен в бой без предупреждения и без предварительной разведки местности.

Капитальной переработке подверглось также и обеспечение связи. Для этой цели была создана единая система, включавшая в себя пилотов-наблюдателей Летного корпуса (сражение при Флер и Курселет является первым примером того, как командующий войсками Великобритании говорит о превосходстве авиации в этом плане) и артиллерийских офицеров-корректировщиков в боевых порядках наступающих пехотных бригад. Для обеспечения связи предполагалось задействовать любые средства - от голубиной почты до радиосвязи, от телефонных линий до посыльных: пеших, конных, на велосипедах и мотоциклах. Все это использовалось для того, чтобы как можно скорее

передать сообщение, и картина действительной обстановки на линии фронта яснее вырисовывалась в штабах дивизий и корпусов.

Артиллерийское обеспечение тоже было усилено. К началу наступления своих войск Роулинсон смог обеспечить соотношение одна крупнокалиберная пушка или гаубица на каждые 26 м траншей противника и одно полевое орудие на каждые 9 м данных траншей. Это примерно в два раза больше того, что было задействовано 1 июля на фронте, большем по ширине. Что еще более важно, артиллерия английской армии тоже становилась гораздо лучше подготовленной и более сплоченной силой, которая теперь была способна вести любой из требуемых видов огня, начиная от контрбатарейной борьбы до огневого вала с переносом огня по промежуточным рубежам. Теперь артиллеристы могли быстро переориентировать свои орудия, молниеносно пристреливать их по дальности полета снаряда и по новым целям, а также одним залпом обрушивать на врага такое количество металла, которое стало приводить немцев в испуг. В штабе каждого корпуса теперь имелся артиллерист из числа высшего офицерского состава - бригадный генерал Королевской артиллерии, который отвечал за орудия корпуса, и благодаря этому работе артиллеристов, всегда жизненно важной на Западном фронте, наконец было уделено достойное внимание на уровне корпуса и армии.

Отдельно рассматривался вопрос об обеспечении условий для работы танков. Чтобы их не задерживал огонь собственной артиллерии или вспаханная взрывами земля на их пути, при постановке огневых завес предусматривались широкие "коридоры", по которым могли двигаться эти машины. Однако такое в общем-то разумное решение привело к неоднозначным результатам. Так как многие танки не смогли доехать до исходных рубежей атаки, или были потеряны позже (увязли в канавах), или сломались, или оказались поврежденными огнем противника, то благодаря этим коридорам образовались участки немецкой обороны, не подвергшиеся артиллерийской атаке, а значит, и разрушению. Пулеметчики на этих участках получали возможность косить пехоту, наступающую на них справа и слева. Тогда же, когда по их позициям был открыт артиллерийский огонь на поражение, немецкие пулеметчики выползли из своих траншей и заняли позиции на нейтральной полосе. Хотя огневой вал с переносом огня по промежуточным рубежам уничтожил многие из таких пулеметных гнезд, танки могли бы стать идеальным оружием для окончательного подавления этих разбросанных огневых точек - конечно, при условии, что танки могли бы сдвинуться с места.

Стремительное повышение эффективности работы артиллерии и передовая тактика боя не всегда встречали то одобрение, которого они заслуживали. Дэвид Ллойд Джордж, который после гибели Китченера стал военным министром, в сентябре 1916 года посетил фронт на Сомме, и там он услышал жалобы по поводу боеприпасов, использовавшихся в начале сражения, и нехватки крупнокалиберной артиллерии. Вернувшись домой, он заявил: "Тяжелая артиллерия [\[50\]](#) во Франции не имеет никакой подготовки, ее артиллеристы не умеют стрелять и совершенно не готовы к тому, чтобы работать с тем великолепным оружием, которым я, будучи министром вооружений, обеспечил их". Подобное высказывание явилось первым признаком того, что Ллойд Джордж отнюдь не собирается стать человеком, с которым легко иметь дело, что он никоим образом не хочет признавать и тем более брать на себя вину за то, что, если "его" пушки и могли быть хорошими, то качество снарядов, которые поступают с заводов, производящих боеприпасы, оставляло желать много лучшего. Когда генерал-майор Ноэль Бэрч, командующий корпусом Королевской артиллерии при Ставке главнокомандующего и главный артиллерийский советник Хейга, спросил генерала Роулинсона, что тот думает по поводу заявления Ллойда Джорджа, последний, не колеблясь, ответил, что пока что он "совершенно доволен" работой батарей контрбатарейной борьбы, а также батарей крупнокалиберных гаубиц, выполняемой ими в ходе боя.

Все было подготовлено к предстоящему наступлению: и пехота, и артиллерия; тщательно проработана работа систем связи, а также служб материально-технического обеспечения и транспорта. Оставались только танки. Было решено, что, выступая в качестве "оружия поддержки пехоты" во время атаки на расположенную между Альбером и Бапумом деревню Флер, где танки в первый раз должны были участвовать в бою, они будут наступать вместе с пехотными ротами и действовать в паре. К 6 сентября во Францию прибыло 60 танков, однако в предстоящем бою могли участвовать только сорок восемь машин. Их распределили по ударным дивизиям, при этом шестнадцать танков поступило в XIV корпус, восемнадцать - в XV, восемь - в III корпус и шесть танков было передано канадцам. В конечном счете только тридцать шесть танков вышло на исходный рубеж, чтобы принять участие в сражении при деревнях Флер и Курселет.

